

Мира и не заметила, как он внезапно появился перед ней, словно выскочил из-за угла или материализовался из ниоткуда. Никого вроде не было на ее пути, когда она стремительно и целенаправленно шла к дверям, и на тебе: раз — и стоит совсем маленький человечек, и такой весь серьезный, решительный, строго насупив бровки, ну прямо недовольный Гном Гномыч.

— Мне надо пописать, — заявил он обиженно, словно попеняв ей за недосмотр и дурное обращение, и добавил: — Прямо сейчас. Быстро-быстро.

— То есть объяснять, откуда ты взялся и кто такой, некогда? — уточнила Мира.

— Нет, — насупил еще больше мальчонка, поджав губки.

— Если очень быстро, тогда, наверное, лучше тебя понести? — предложила она.

Гном задумался на пару мгновений, видимо, прикидывая варианты, степень своего терпения и позволительно ли его нести незнакомому человеку, и с тем же серьезным сосредоточенным видом кивнул и протянул ей ручки.

— Ну, давай, — вздохнула Мира и, толкнув локтем подальше за спину свою большую сумку, висев-

шую на плече, наклонилась и подхватила ребенка на руки.

Разумеется, в их туалетных комнатах имелись и детские унитазы и сиденьца для них, и даже горшки, все-таки они кукольный театр, и основной их зрительный контингент составляют именно дети.

Но стоило ей опустить ребенка возле унитаза, он все так же недовольно-насупленно отодвинул ее руки, решительно заявив:

— Я сам, — и растолковал для полной ясности: — Я уже большой мальчик.

— Без вопросов! — вскинула она руками, соглашаясь с ним. — Я тебя там подожду, зови, если помощь понадобится.

И вышла из кабинки.

В туалетной комнате, кроме них, в данный момент никого не было, и немудрено: спектакль давным-давно закончился, зрители отшумели и разошлись, а персонал, кроме контролерш зала, в основном пользовался служебными туалетами. Мира прошла к умывальникам, наклонилась поближе к зеркалу и порассматривала наливающийся цветом небольшой синячок у себя на лбу.

«Нет, ну надо же было снова долбануть себя этим башмаком!»

Из кабинки донеслось какое-то сосредоточенное сопение и возня, словно недовольный еж копошился в листве, потеряв заветное яблоко.

«Или гном», — подумала она и усмехнулась своим мыслям.

— Ты как там, большой мальчик? — громко спросила Мира. — Помощь нужна?

В тишине ее голос прозвучал неожиданно звонко и гулко.

— Надо пимпу нажать, — ответил мальчонка, распахивая дверцу кабинки.

— Нажмем обязательно! А как же, — пообещала Мира.

На пимпу она нажала, но штанишки на нем ей все же пришлось немного поправить, что он безропотно выдержал.

— Руки мыть? — поинтересовалась она у него.

— Да, — отчего-то тяжело вздохнул ребенок и кивнул.

Для того чтобы деткам было удобно пользоваться умывальником, вдоль стенки стояли в ряд специальные пластмассовые табуретки в виде усеченных конусов разной веселой расцветки. Придвинув одну из них, Мира поставила на него парня, пустила воду, помогла ему накачать из баллончика мыльного раствора в ладонки и отошла надергать салфеток из аппарата.

Мальчишка долго, старательно намыливал ручки и столь же старательно и усердно мыл их под струей воды.

Совершенно ясно, что ему просто доставлял удовольствие сам процесс полоскания под водой.

— По-моему, все уже замечательно чисто отмылось, — предположила она.

— Да, — с серьезной рожцей рассмотрев свои мокрые ладонки, согласился Гном.

Она помогла ему вытереть ручки и, выбросив использованные салфетки в урну, развернула к себе и спросила:

— Так, а теперь ответь-ка мне, серьезный мальчик, ты чей?

А он посмотрел на нее... Нет, не так! Совсем не так!

Он поднял свое личико и посмотрел прямо ей в глаза своими большущими синими-синими глазами, и в этот момент с Мирой случилось что-то очень странное — в районе солнечного сплетения что-то сжалось, дыхание перехватило, сердце заколотилось, а внутри разлилась такая... такая... как благодать, что ли... до слез, до спазма в горле.

Длилась эта странность всего несколько стремительных мгновений, но произвела на Миру ошеломляюще сильное впечатление.

Она смотрела в эти синие глазенки, казавшиеся ей отчего-то удивительно знакомыми, родными, и переживала настоящее потрясение, что-то сродни необычайному откровению.

Что это с ней? Она даже головой тряхнула, стараясь освободиться от наваждения, и пришла в себя.

— Я папин, — вернул ее в действительность голос малыша. — И бабушкин. — Он подумал и с сомнением добавил: — И мамин еще тоже.

— Ну, хорошо, — выдохнула Мира и, не удержавшись, погладила малыша по головке и улыбнулась. — Папин и бабушкин. А звать-то тебя как?

— Звать меня Петя, — громким, четким голосом отрапортовал пацан. — Фамилия моя Барташов.

Фамилию свою он произносил по слогам, тщательно рыча и грассируя на букве «р» и продолжительно шипя на букве «ш», явно повторяя заученный урок, и у него неплохо получалось, но выглядело это до того уморительно, что Мира едва удержала расползающуюся улыбку, плотно поджав губы, чтобы не обидеть парня.

— Мне три года, — продолжал докладывать мальчонка. Теперь он растопырил пальчики, помогая второй рукой удерживать мизинчик и большой вместе, чтобы показать именно три нужных. Получилось. Парень довольно кивнул и добавил: — И еще полгода.

— Отлично, — оценила все его старания Мира. — Молодец. — И представилась: — А меня зовут Мира Олеговна. Но можно просто Мира.

— Миррра, — расстарался он, порывав на букве «р», и заулыбался. — Это как Мир-р-р?

— Как Мир, — подтвердила, усмехнувшись, она, весело потормошила ему коротенький чубчик, после чего сразу же причесала его пальцами назад и спросила: — А скажи-ка мне, Петя Барташов, с кем ты сюда пришел и где они сейчас? Ты потерялся?

— Нет. — Ребенок завертел головой. — Я не терялся. — И снова глянул на нее своими синими-синими глазницами и перешел на доверительный тон: — Я пришел с бабушкой Ларисой. Мы смотрели всяких кукол, как они там живут. Сказку про царевича... Он вот такой... — Он показывал что-то непонятное руками. — В красном таком, красивом, — провел он ладошками по рубашечке на груди. — И шапка такая. Еще там волк был, он на нем ездил...

— Ну, ладно, — мягко остановила его воспоминания Мира, прекрасно зная, что это может затянуться надолго. — А после царевича с волком, когда сказка закончилась, вы с бабушкой куда пошли?

— Туда, — широким жестом в непонятном направлении махнул мальчонка. — В очередь за вещами.

— В гардероб, — догадалась Мира.

— Да, — подумав, согласился он.

— Получили вещи? — все выстраивала она последовательность его действий после спектакля, направляя рассказ ребенка в нужное русло.

— Нет, — снова активно закрутил тот головой, замолчал и отчего-то испуганно посмотрел на нее.

— Почему? — как можно мягче спросила девушка, почувствовав этот его неожиданный испуг.

— Бабушка вдруг так... — Он сложил ладошки замочком и прижал к груди, словно защищаясь от грянувшей напасти. — «Ой, ой» сказала. И мы из очереди вышли на скамейку.

— Та-а-ак, — протянула Мира, уже начиная подозревать, что случилось. И максимально осторожно и доброжелательно принялась расспрашивать дальше, придав голосу самые теплые и успокаивающие интонации, на какие была способна. — Вы сели на скамейку у стенки и бабушке стало плохо?

— Да, — кивнул ребенок и заспешил рассказать, помогая себе активной жестикуляцией: — Бабушке больно было, и она вот так, — он показал как, — за бочок схватилась. К нам тетечка подошла, бабушку спрашивала, что у нее болит. Потом еще всякие те-

течки пришли. А бабушка мне сказала, чтобы я вот здесь стоял возле скамеечки и ни-ку-да, — произнес он по слогам с особым нажимом, — не отходил и ничего не боялся. Я стоял, но все равно боялся. Потом бабушка заснула. И пришли другие люди в таких синих штучках, — он провел ручками по груди и ножкам, стараясь показать синюю форму медиков. — Бабушку положили в какое-то одеяло с ручками и куда-то унесли. А я стоял и ждал. Потом посидел немножко, а потом писать захотел.

— Понятно, — выдохнула Мира.

Охренеть!

Сегодня в театре случилось происшествие, надевавшее шуму и суеты, — какой-то женщине стало плохо, она потеряла сознание, вызвали «Скорую помощь», и ее увезли в больницу. Про происшествие Мира слышала, да что она, весь театр непродолжительно погудел об этом, охали, ахали, мимолетно посочувствовали и забыли. Но отчего-то никто не вспомнил о ребенке и не предположил, что женщина была не одна, а с каким-то малышом. А ведь это совершенно очевидно.

Почему? А что, неужели старушка пришла в театр кукол одна — посмотреть утренний спектакль? Так, что ли? Ну есть несколько таких бабулек, которые приходят на определенные спектакли по льготным дням без билетов, но их все сотрудники знают в лицо и их всего-то три или четыре, да и ходят они всегда одной компанией и на вечерние или дневные спектакли.

И что, получается, никто не обратил внимания на то, что стоит у стенки маленький ребенок? Как

это может быть? А их контролерши? Они же проверяют зал и холл и все помещения после спектакля и закрытия дверей?

Как так-то?

— И ты там все это время стоял? — спросила она недоверчиво у парня.

— Нет, — задрожал у него вдруг подбородочек. — Постоял немножко и сел. — И он посмотрел на нее несчастными глазами, в которых стремительно наливались слезы. — Бабушка меня, наверное, потому и не нашла, что я сел. И еще, наверное, заснул, — повiniлся он.

— Ну, что ты, что ты, малыш, — заторопилась успокаивать его Мира и вытерла с щеки покатившуюся из глаза слезинку. — Ты ни в чем не виноват, маленький, — и, не выдержав, подхватила его на руки.

И прижала к себе, и почувствовала нечто удивительное, ошеломляющее — такое теплое поразительное чувство невероятной нежности, счастья и полноты бытия.

Она стояла, прижимала к себе ребенка, успокаивая, тихонько гладила его по спинке, ощущала его горячее сопение на своей шее и переживала настоящее душевное потрясение.

Да что такое-то с ней сегодня происходит?

Что случилось-то, в самом деле? Что, молчавший до сих пор материнский инстинкт пробудился? Это что вообще такое, я вас спрашиваю?

Ладно, разберемся, не до этого сейчас, решила Мира.

— Ты есть хочешь, малыш? — чуть отклонившись, чтобы видеть его личико, спросила она.

— Хочу, — вздохнул он и пожаловался: — Даже урчит в животике.

— Это мы сейчас исправим, — бодро пообещала Мира ему. — Только сначала в гардероб все-таки сходим. Помнишь, какие вещи вы там оставили?

— Да, — оживился мальчуган, перестал ее обнимать и выпрямился. — Моя курточка и рюкзачок. И бабушкин плащ.

Ну, правильно — на дворе май и еще пока прохладно, да и дождливо несколько дней подряд. Курточка и плащ самое то, что надо по такой погоде.

— Вот и отлично! — похвалила его Мира. — Пойдем выручать ваши вещи.

— Пойдем выручать, — согласился парень и снова, как водится, активно кивнул и вдруг спросил: — А бабушка когда за мной придет?

— Давай так, — предложила план действий Мира, поставив его на пол, и присела на корточки перед ним. — Заберем вещи, пойдем в буфет поедим и тогда все разузнаем про твою бабушку. Договорились?

Как и следовало ожидать, он старательно кивнул, соглашаясь с ее предложением, и взял ее за руку.

— Здравствуйте, Галина Николаевна! — поздоровалась Мира с гардеробщицей и, подхватив Петю под мышки, посадила его на деревянную стойку гардероба.

Всех работников театра, вплоть до вечно меняющихся уборщиц и перманентно пьяного слесаря механического цеха Михеича, Мира знала по име-

нам, фамилиям, а также была в курсе их жизненных перипетий. Ну, уж так вот как-то получалось.

— Значит, история у нас такая, — принялась разяснять она гардеробщице. — Вы же знаете про женщину, которой стало плохо и ее увезла «Скорая».

— А как же! — радостно подхватила разговор на яркую злободневную тему гардеробщица и поделилась информацией: — Говорят, у нее что-то с почками случилось. Приступ.

— Угу, — продолжила Мира. — А вот этот замечательный мальчик, — указала она на Петеньку, — ее внук, которого почему-то никто не заметил.

— Да ты что-о-о! — ошеломленно всплеснула ладонями Галина Николаевна, выпучив глаза, и сразу же возмутилась, зачастив вопросами: — Да как же так? Как его могли девочки не заметить-то? Не может такого быть! Никак не может быть! И он что, даже не плакал? Не подошел ни к кому?

— А вот такой у нас смелый мальчик, — похвалила Мира ребенка и погладила по голове. — Не заплакал и не испугался. Стоял там, где велела ему бабушка, пока в туалет не захотел. Вот такой молодец.

— Да, молодец, — покивала, соглашаясь, женщина и поулыбалась малышу. — И что теперь? Надо Виктор Палычу сообщить, это ж какой непорядок. И как это его не заметили?

— Вот вы Виктор Палычу и сигнализируйте, — согласилась с инициативой Мира. — А у нас с Петенькой другие дела есть. Галин Николаевна, у вас невостребованные вещи должны иметься в наличии: детский рюкзак, курточка и плащ женский.

— Есть. Есть, а как же! — засуетилась та, доставая из-под гардеробной стойки сложенные стопочкой вещи. — Только надо же получение официально оформить, чтоб претензий никаких потом не возникло. Составить акт передачи под роспись.

— Да не будем мы ничего оформлять, — отмахнулась Мира и кивком указала на ребенка: — Вон у нас один из хозяев. Петенька, посмотри: это ваши с бабушкой вещи?

— Да, — подтвердил Петенька, кивнув, и потянул к себе за ляжку зеленый маленький рюкзачок. — Это мой.

— Ладно, — решила Мира. — Галина Николаевна, вы тут известите начальство, а мы в буфет. Надеюсь, девочки найдут что-нибудь, чем можно накормить нашего героя.

«Герой» уплетал за обе щеки жареный кабачок с рыбной котлеткой из личных запасов сердобольных буфетчиц, поохавших над потерянным малышом, закусывал теплым хачапури, запивал все это дело вкуснейшим смородиновым морсом и, забыв об обо всех своих напастях, в данный момент был абсолютно доволен жизнью.

Не в пример разволновавшемуся директору театра Виктору Павловичу Наумову, который таки понервничал, узнав о происшествии, и прибежал в буфет. Повздыхал печально, в задумчивости погладив ребенка по голове, задал непродуктивные вопросы из разряда: «Как же так получилось-то?», дал невнятное указание: «Ну, вы тут, Мирочка, позанимайтесь...» — покрутил рукой, видимо, придумывая,